

Существительные с консонантическими основами в Синайском патерике*

Иштван Пожган

1. Введение

Синайский патерик (Син. 551) был списан со старославянского протографа в XI–XII вв. на восточнославянской территории. Рукопись хранится в Государственном Историческом музее в Москве. Она состоит из 184 листов. Памятник был издан В. С. Голышенко и В. Ф. Дубровиной в 1967 г. в Москве¹. Наш анализ проводится по их изданию. В рукописи кроме основного почерка различается еще 7 иных почерков. Иные почерки мы будем указывать под общим названием “иной почерк”, приписывая к этому римские цифры от II по VIII (основной почерк был бы I, но этого не будем указывать отдельно). В заключениях и частью в подсчетах иные почерки мы вообще будем брать вместе из-за незначительного их количества.

Целью настоящей работы является анализ имен существительных с основами на согласный. Существительные с консонантическими основами рано начались подвергаться влиянию других основ, особенно основы – ĭ–. Поэтому, одной из важнейших задач нашего анализа является определение и группирование переносов окончаний. Влияние основы – ĭ– у консонантических основ началось уже в праславянскую эпоху. В творительном п. ед. ч. (мужского и среднего родов), в дательном, в творительном и местном пп. мн. ч., а также в дательном-творительном п. дв. ч. существительные с основами на согласный позаимствовали тематический гласный –b– от существительных с основой на – ĭ–². Примеров этих падежных форм мы не будем рассматривать, как переносы окончаний, а с ними будем обращаться, как с примерами, обладающими общими для обоих склонений окончаниями. Между старославянскими парадигмами и древнерусскими парадигмами не было существенных различий, но по свидетельству старославянских памятников сильные редуцированные гласные флексий существительных с основами на согласный раньше проявились, чем в древнерусском языке. В изучаемом памятнике не засвидетельствован ни один такой случай прояснения сильного редуцированного, который можно было бы однозначно отнести к языку древнерусских писцов. Таким образом, примеры, отражающие вокализацию в окончании, будем принимать за старославянские формы. При изучении переносов окончаний мы попытаемся определить, какие из следующих условий переносов окончаний существовали между затронутыми основами: 1. семантическая тождественность, 2. формальная тождественность, 3. известная морфонологическая тождественность, 4. сходства в акцентологических отношениях³. Примеры будут сгруппированы по индоевропейским реконструиро-

*Написание настоящей работы стало возможным благодаря поддержке Государственного научного исследовательского фонда (ОТКА; регистрационный номер: D/34574).

¹ Голышенко В. С., Дубровина В. Ф.: *Синайский патерик*. Москва 1967.

² Селищев А. М.: *Старославянский язык*. Часть II. Москва 1952, с. 105–106.

³ Н. Tóth Imre: *Bevezetés a szláv nyelvtudományba*. Szeged 1996, 125. o.

ванным основам. Кроме известных случаев именительного и винительного падежей, все примеры будут указаны.

2. Существительные с основой на *-n-* (*-(m)en-* || *-(m)on-*)

2.1. Существительные мужского рода

Существительные мужского рода с основой на *-n-* сначала присоединились к именам существительным мужского рода с основой на *-ĭ-*, и когда эти последние — за исключением существительного **путь** — все переходили в основу на *-ĭ-ǫ-*, вместе с ними шли и предыдущие⁴. Однако, в изучаемом памятнике можно проследить лишь первый процесс. Теперь посмотрим условия переносов окончаний между существительными мужского рода с основой на *-n-* и существительными мужского рода с основой на *-ĭ-*: 1. Семантическая тождественность: а) грамматические роды были тождественны, так как переносы окончаний осуществлялись между существительными мужского рода, б) падежные функции, разумеется, были тождественны. 2. Формальная тождественность была налицо; в этих двух типах склонения наблюдалось больше общих падежных окончаний, чем различных: частично в именительном п. ед. ч., полностью в винительном, дательном и творительном пп. ед. ч., в винительном, в дательном, в творительном и местном пп. мн. ч., а также в именительном-винительном и дательном-творительном пп. дв. ч. 3. Существовала и известная морфонологическая тождественность: оба типа склонения принадлежали к полумягким вариантам (хотя у основы на *-n-* в родительном п. мн. ч. и в родительном-местном п. дв. ч. тематический согласный был твердым). 4. Однако, в акцентологических отношениях не наблюдались сходства в силу того, что существительные мужского рода с основой на *-ĭ-*, за исключением существительных **зять** и **тять**, обладали подвижным ударением⁵, а при существительных мужского рода с основой на *-n-* ударение, с большой долей вероятности, было постоянным (оно вообще было на корне, но в случае **качмы** было на теме)⁶.

Формы существительного **камъ** засвидетельствованы в следующих случаях:

В винительном п. ед. ч.: **камень**: 130.20, 131v.20, 132v.6, 145v.14–15, 152v.13. В одном примере в функции винительного п. наблюдается именительная форма: **(глубина въхужаше въ) камъ**: 130v.3. Этот пример может считаться и опиской, потому что правильная форма встречается 5 раз. Независимо от предполагаемой описки, следует отметить, что в Супрасльской рукописи (XI в.) иногда наблюдается и форма **камъ** вместо формы **камень** в винительном п. ед. ч.⁷. Тут же можно еще отметить, что и в древнерусских памятниках засвидетельствованы редкие случаи употребления именительного п. ед. ч. вместо винительного, правда, лишь у существительных с основой на

⁴ Иванов. В. В.: *Историческая грамматика русского языка*. Москва 1990, издание третье, переработанное и дополненное, с. 259.

⁵ Колесов В. В.: *История русского ударения*. Ленинград 1972, с. 171.

⁶ Колесов В. В.: *Op. cit.* с. 190–191.

⁷ Balczyk Emil, Hollós Attila: *Ószláv nyelv*. Budapest 1987, 110. o.

–ā/iā–⁸.

В родительном п. ед. ч.: **КАМЕНЕ**: 62v.12, 81.8.

В дательном п. ед. ч.: **КАМЕНИ**: 86v.16, 145.17.

В творительном п. ед. ч.: **КАМЕНЬМЪ**: 85.13, 149v.13–14, 160v.6.

В местном п. ед. ч. найдены только примеры, отражающие перенос окончания от существительных с основой на –ĭ–: (**при|КАЗАКЪШЕ** **ЕДИНОМЪ**) **КАМЕНИ**: 85v.7, (**НА**) **КАМЕНИ**: 145.18, 145v.15–16.

Во множественном числе, как и следовало ожидать, формы этого существительного не встречались. В значении мн. ч. употреблялось собирательное существительное **КАМЕНИ**: 8v.3, 11.18, 150.2, 153.1, 15.

Существительное **КАЧМЪ** засвидетельствовано лишь в местном п. ед. ч., пример показывает перенос окончания из основы на –ĭ–: (**ВЪ**) **КАЧМЕНИ**: 140.20.

Формы существительного **ДНЬ** часто встречаются с переносами окончаний, особенно в родительном п. мн. ч. В этом существительном, на букве **н** ни разу не наблюдается крючок, прикрепленный справа сверху к мацте буквы, и служащий для обозначения мягкости. Этот факт позволяет нам прийти к выводу, что данное существительное еще не имело контакта с существительными с основой на –ĭǫ–, а оно подвергалось влиянию лишь основы на –ĭ–. (Можно отметить, что в случае существительного с основой на –ĭ– **ОГНЬ** неоднократно наблюдается обозначение мягкости вторично смягченного согласного **н'** (напр.: (**ПО СРЕДѢ**) **ОГНЬ**: 23.13), на основе чего — и конечно, при наличии окончаний, свойственных однозначно только основе на –ĭǫ–, и при отсутствии окончаний, свойственных однозначно лишь основе на –ĭ– — легко можно определить факт изменения типа declinatio-ни.) Формы существительного **ДНЬ** зарегистрированы в следующих случаях:

В именительном и винительном пп. ед. ч., напр.: **ДНЬ**: 7.12, 8v.19, 13v.9, 15.8, 20v.6, 30.7, 88v.10, 95.

В родительном п. ед. ч.: **ДНЬЕ**: 18.10, 19.16, 20.1–2, 27.20 (*иной почерк IV*), 55.2, 96.12, 109.15, 144v.16, **ПОЛОУДНЬЕ**: 51.16.

В дательном п. ед. ч.: **ДНИ** / **ДНѢ**: 77.4, 177v.19.

В творительном п. ед. ч.: **ДНЬМЪ**: 95.8, 133.16–17.

В местном п. ед. ч.: **ДНЬЕ**: 68.13, 71.10 (*иной почерк V*), 162v.8, 172v.3. Примеры, отражающие перенос окончания из основы на –ĭ–: (**ПО ДЕСЯТѢМЪ**) **ДНИ**: 68.14–15, (**ПО ЕДИНОМЪ**) **ДНИ**: 137.16.

В именительном п. мн. ч. найден всего лишь один пример, но и тот показывает перенос окончания из основы на –ĭ–: **ДНѢ**: 160.13.

В винительном п. мн. ч.: **ДНИ**: 3.1, 3v.4, 4v.10, 6v.5, 6, 10.15, 13.1, 24v.9, 15v.9 (*иной почерк IV*), 29.7, 48v.6, 54v.8, 60v.7 (*иной почерк VII*), 67v.6, 9, 96.11, 104v.13, 113.15, 117.6, 119.14, 120v.4, 13, 121.8, 133v.15, 143.5, 174.10, 176v.10, 178v.6.

⁸ Соколова М. А. Очерки по исторической грамматике русского языка. Ленинград 1962, с. 129–130.

В родительном п. мн. ч.: **дѣнь** / **дѣнь**: 73.16, 96v.8, 104.14 (вместо буквы **ѣ** стоит **ѣ**), 132v.17, 140v.14. Примеры с переносом окончания из основы на **-ѣ**: **дѣнии** / **дѣни**: 6v.8, 9v.16, 11.2, 18.18, 27.3 (*иной почерк IV*), 38.20, 38v.12, 39v.1, 49v.5–6, 51.2, 52v.13, 61v.3, 62.11–12, 73.1, 85v.14,15, 92.19, 94.3, 103.4, 110.19, 154.9–10, 155v.5 (этот пример выглядит так: **дѣни**), 166v.16 (*иной почерк VI*), 167.10.

В дательном п. мн. ч.: **дѣньмѣ** / **дѣньмѣ**: 104.17, 126.12.

В творительном п. мн. ч.: **дѣньми**: 50v.20, 85.11.

В местном п. мн. ч.: **дѣньхѣ**: 6.2, 57.10, 62.18, 63v.8, 80v.12, 87v.15, 137.14, 138v.18–19, 140v.1, 158v.5, 182v.14.

В именительном-винительном п. дв. ч.: **дѣни** / **дѣни**: 82.2, 94.14, 176v.4. Один пример имеет такой графический вид: (**дѣѣѣ**) **дѣни**: 43v.1, и это вероятно является опискою, так как тут не имеет смысла предположить родительный п. мн. ч.

В родительном-местном п. дв. ч.: **дѣноу**: 18v.9, 29v.3. Примеры, содержащие перенос окончания из основы на **-ѣ**: **дѣнию**: 6.12, 22.1 (*иной почерк III*), 25.13 (*иной почерк IV*), 53v.14, 86v.12, 87.5, 92v.13–14, 93v.16, 159v.11, 167v.18.

2.2. Существительные среднего рода

Тут не будем перечислять примеров, стоящих в именительном и винительном пп. ед. ч. в силу того, что с точки зрения настоящего анализа это являлось бы излишним. У существительных среднего рода с основой на **-н** наблюдается влияние существительных с основой на **-ѣ**. В условиях переносов окончаний между существительными среднего рода с основой на **-н** и существительными с основой на **-ѣ** наблюдалась следующая обстановка: 1. Семантическая тождественность не осуществлялась полностью, потому что: а) грамматические роды были различными, б) но тождественность падежных функций, разумеется, была налицо. 2. Формальная тождественность имела между этими двумя типами склонения, но в меньшей мере, чем в случае существительных мужского рода, лишь 6 флексий являлись общими: в дательном и творительном пп. ед. ч., в дательном и местном пп. мн. ч., а также в именительном-винительном и дательном-творительном пп. дв. ч. 3. Можно говорить и об известной морфонологической тождественности, хотя в меньшей мере, чем в случае существительных мужского рода: оба типа склонения принадлежали к полумягким вариантам, но существительные среднего рода с основой на **-н** в именительном, в винительном, в творительном и родительном пп. мн. ч., а также в родительном-местном п. дв. ч. имели твердый тематический согласный. 4. Однако, в акцентологических отношениях наблюдались сходства: оба типа склонения обладали и существительными с подвижным ударением.

Формы существительного **вѣѣмѣ** / **вѣѣмѣ** засвидетельствованы в следующих случаях:

В местном п. ед. ч. найдены только примеры с переносом окончания из основы на **-ѣ**: (**вѣѣ семѣ ѣѣ**) **вѣѣмѣ**: 44v.15–16, (**ѣѣ ѣѣѣѣѣѣ**) **вѣѣмѣ**: 173v.20 (*иной почерк VIII*).

В винительном п. мн. ч.: **время**: 59.8.

Формы существительного **има** наблюдаются в следующих случаях:

В родительном п. ед. ч.: **имене**: 148.12.

В творительном п. ед. ч.: **именьмь**: 3.2–3, 4.15, 14v.1, 15v.13 (*иной почерк II*), 36v.11–12, 37v.2, 39v.2, 45.16, 66.13, 71.3 (*иной почерк V*), 95v.3. Следующие примеры, отражающие вокализацию, вероятно восходят к старославянскому протографу: **именьмь**: 7.3, 7v.5, 9v.9, 12v.14, 14.17–18, 18.4, 19v.4, 20v.4–5, 21.9, 23v.7, 29v.10–11, 32v.20–21, 36.10, 38.19, 39.6, 46.3–4, 47v.17, 57v.4, 63v.18, 66v.8, 68v.1,12, 83v.10–11, 86v.13, 87.11, 88v.6 (после буквы **и** находится одна точка на нижнем уровне строки), 90v.14 (в конце словоформы вместо буквы **ь** поставлена буква **ѣ**), 94.19, 98v.8, 101.13, 106.19, 113v.20, 119v.20, 128.1, 133.7–8, 138v.1, 142v.16, 182v.9.

Существительное **писма** засвидетельствовано только в дательном п. мн. ч.: **писменемъ**: 36.19. Этот пример показывает прояснение сильного редуцированного, поэтому он вероятно восходит к протографу.

3. Существительные с основой на **-s-** (**-ěs-** || **-ōs-**)

В этом пункте тоже не будут перечислены примеры, находящиеся в именительном и винительном пп. ед. ч. У существительных с основой на **-s-** наблюдается как влияние основы на **-ō-**, так и воздействие основы на **-ě-**. Следующие условия переносов окончаний между существительными среднего рода с основой на **-s-** и существительными среднего рода с основой на **-ō-** были налицо, или отсутствовали: 1. Семантическая тождественность: а) грамматические роды были тождественны, потому что переносы окончаний происходили между существительными среднего рода. б) падежные функции, конечно, были тождественны. 2. Существовала и формальная тождественность, так как имелись общие флексии: в именительном и винительном пп. ед. ч., в именительном, в винительном и творительном пп. мн. ч., а также в родительном-местном п. дв. ч. 3. Известной морфонологической тождественности тут в принципе не было: деклинационный тип существительных с основой на **-s-** принадлежал к полумягким вариантам, а деклинационный тип с основой на **-ō-** принадлежал к твердым вариантам системы склонения, хотя следует учесть и тот факт, что существительные с основой на **-s-** в именительном и винительном пп. ед. ч., в именительном, в винительном, в творительном и родительном пп. мн. ч., а также в родительном-местном п. дв. ч. обладали твердым согласным в теме. 4. В акцентологических отношениях имелись сходства: в обеих моделях склонения наблюдались существительные с подвижным ударением, притом для основы на **-s-** предполагаются существительные только с подвижным ударением⁹.

А теперь посмотрим, какая обстановка вырисовывается в условиях переносов окончаний между существительными среднего рода с основой на **-s-**

⁹ Колесов В. В.: *Op. cit.* с. 200.

и существительными с основой на –ǫ–: 1. Семантическая тождественность: а) Грамматические роды были различны, хотя тут можно учесть и тот факт, что при существительных среднего рода неоднократно наблюдалось колебание между средним и мужским родами, напр.: старославянские формы *ѣзеро* и *ѣзеръ* (основа на –ǫ–), старославянское слово *днѣо* и старославянское, древнерусское *днѣъ*; и это колебание представляет собою остатки того, что в праславянском языке формы именительного и винительного падежей ед. ч. существительных среднего рода с основами на –ǫ– и –s– некогда изменились таким же образом, как и существительные мужского рода с основой на –ǫ–, но попавши под воздействие показательного местоимения среднего рода **to* (**tā*), с течением времени они восстановили свойственный среднему роду вид¹⁰. б) Тождественность падежных функций, разумеется, имела в наличии. 2. Формальная тождественность была налицо в силу того, что имелись и общие падежные окончания: в дательном и творительном пп. ед. ч., в дательном и местном пп. мн. ч., а также в именительном-винительном и дательном-творительном пп. дв. ч. 3. Наблюдалась и известная морфонологическая тождественность, так как оба типа склонения принадлежали к полумягким разновидностям, хотя не следует забывать о том, что существительные с основой на –s– в некоторых падежах имели твердый согласный в теме (см. выше). 4. В акцентологических отношениях встречались сходства: в обоих типах склонения преобладали существительные с подвижным ударением.

Формы существительного *дрѣво* / *дрѣво* засвидетельствованы в следующих случаях:

В родительном п. ед. ч. наблюдаются примеры лишь с переносом окончания из основы на –ǫ–: *дрѣва*: 9v.18–19, 126v.10.

В творительном п. мн. ч. тоже обнаруживается влияние существительных с основой на –ǫ–, потому что исконная тема исчезла: *дрѣвы*: 58v.9. Это существительное и в старославянских рукописях чаще встречается с переносами окончаний из основы на –ǫ–¹¹.

Формы существительного *нѣбо* (оно за одним исключением регулярно пишется в сокращенном виде под титлом: *нѣо*) встречаются в следующих случаях:

В родительном п. ед. ч.: *нѣсе*: 23v.12, 145v.13. Примеры, отражающие перенос окончания из основы на –ǫ–: (*сѣ*) *нѣеси*: 36.4.

В дательном п. ед. ч. найден лишь один пример, отражающий перенос из основы на –ǫ–: *нѣоу*: 53v.12.

В местном п. ед. ч. засвидетельствованы примеры только с переносом окончания из основы на –ǫ–: (*на* (...)) *нѣси*: 50v.5, 99.13, 132v.18, 143.17.

В винительном п. мн. ч.: *нѣса*: 73.20, 121.13.

В родительном п. мн. ч.: *нѣсъ*: 139v.10, 174.8.

¹⁰ Гъльбов Иван: *Проблеми на праславянското краесловие*. In: Избрани трудове по езикознание. София 1986, с. 183–184.

¹¹ Вайан А.: *Руководство по старославянскому языку*. Москва 1952, с. 134.

Формы существительного **слово** наблюдаются в следующих случаях:

В родительном п. ед. ч.: **словесе**: 100.3, 144.6, 144v.8–9, 162.6.

В дательном п. ед. ч.: **словеси**: 93v.18, 97.11, 84v.8. Один пример показывает перенос окончания из основы на –*ѣ*–: **словоу**: 138.16.

В творительном п. ед. ч. найдены примеры только с переносом окончания из основы на –*ѣ*–: **словемь**: 4.3, 148.8. Эти примеры вероятно восходят к протографу.

В местном п. ед. ч. встречаются примеры лишь с переносом окончания из основы на –*ѣ*–: (*о* / **къ**) **словеси**: 15.17, 15v.4, 17.2 (*иной почерк II*), 72.1 (*иной почерк VI*) (вместо буквы *ѣ* стоит *с*), 84.6.

В винительном п. мн. ч.: **слова**: 17v.4, 105v.14, 154v.18, 159.10, 162.7, 166v.9 (*иной почерк VI*), 173v.11 (*иной почерк VIII*), 180.11.

В родительном п. мн. ч.: **словесъ**: 55.7–8.

Найденные в дательном п. мн. ч. примеры отражают вокализацию, и они, с большой долей вероятности восходят к протографу: **словесемъ**: 15.16, 99v.12, 149.12–13.

В творительном п. мн. ч.: **словесы**: 14v.3, 31v.6, 91.16, 149.8, 180.15–16, 20.

В именительном-винительном п. дв. ч.: **словеси**: 32v.4, 14.

Формы существительного **тѣло** засвидетельствованы в следующих случаях:

В родительном п. ед. ч.: **тѣлесе**: 101.9, 175v.3–4. Примеры, отражающие перенос окончания из основы на –*ѣ*–: **тѣла**: 54.20, 60.10.

В дательном п. ед. ч.: **тѣлеси**: 176.15. С переносом окончания из основы на –*ѣ*–: **тѣлоу**: 164.19.

В творительном п. ед. ч. наблюдаются примеры исключительно с переносом окончания из основы на –*ѣ*–: С древнерусским окончанием: **тѣлѣмь**: 136v.5. Со старославянской флексией: **тѣломь**: 116.17.

В местном п. ед. ч.: С переносом окончания из основы на –*ѣ*–: (**къ** (...)) **тѣлеси**: 143.12, 14. С переносом окончания из основы на –*ѣ*–: (*не прикосе сѧ*) **тѣлѣ** (*моюмь*): 134.19.

В именительном п. мн. ч.: **тѣлеса**: 61v.12–13.

В винительном п. мн. ч.: **тѣлеса**: 11v.4, 7.

Формы существительного **чюдо** наблюдаются в следующих случаях:

В родительном п. ед. ч.: **чюдесе**: 56v.1.

В местном п. ед. ч. засвидетельствованы примеры только с переносом окончания из основы на –*ѣ*–: (*о* ...) **чюдеси**: 56.3, 138.8.

В именительном п. мн. ч.: **чюдеса**: 160v.9.

В винительном п. мн. ч.: **чюдеса**: 39.3, 49.16, 100.1, 144v.13.

В дательном п. мн. ч.: **чюдесемъ**: 132v.19, пример отражает вокализацию редуцированного, таким образом его вероятно можно возвести к протографу. С

переносом окончания из основы на -ǫ-: (м'ногомъ) чюдо|мъ: 44.7-8.

В творительном п. мн. ч.: чюдѣсты: 175v.19.

В местном п. мн. ч.: чюдѣсѣ|хъ: 160.5-6.

Существительные **око** и **оухо** в изучаемом памятнике не засвидетельствованы ни в единственном, ни во множественном числах. С их примерами мы встретились лишь в двойственном числе. Для этих существительных как в древнерусском, так и в старославянском языке было характерно, что формы дв. ч. образовывались исключительно по образцу существительных с основой на -ǫ-. Из этого вытекает, что это явление скорее можно считать смешанным склонением, чем переносами окончаний, поэтому в итогах и заключениях мы не учтем этих примеров. Тем не менее, их указание не является бесполезным, так как эти примеры могут свидетельствовать о правильном употреблении двойственного числа: В именительном-винительном п. дв. ч.: **очи**: 40v.10, 167.5, 177v.8, 179.17. **оуши**: 134v.19. В родительном-местном п. дв. ч.: **очию**: 51v.4, 167.8. В дательном-творительном п. дв. ч.: **очима**: 31.7, 33v.9, 41v.6, 44.9, 51v.8, 75v.13, 84.16, 113v.12, 142.14, 161v.9, 177v.4, 179v.19, 182.5-6. **оушима**: 142.14-15.

4. Существительные с основой на -t- (-ǣnt-)

У имен существительных с основой на -t- не наблюдается влияние других основ.

Существительное **дѣта** встречается лишь в именительном п. ед. ч.: 169.18.

Существительное **окача** засвидетельствовано только в дательном п. ед. ч.: **окачати**: 79.4.

Существительное **отроча** тоже наблюдается лишь в дательном п. ед. ч.: **отрочати**: 81v.19.

Формы существительного **п'са** засвидетельствованы в следующих случаях:

В дательном п. ед. ч.: **п'сати**: 110v.12, вместо **▲** поставлена буква **а**.

В винительном п. мн. ч.: **п'сатѣ**: 128v.15.

5. Существительные с основой на -r- (-ǣr-)

У двух существительных с основой на -r- не засвидетельствовано воздействие других основ.

Формы существительного **дѣщи** наблюдаются в следующих случаях:

В именительном п. ед. ч.: **дѣщи**: 53v.14.

В винительном п. ед. ч.: **дѣщерь**: 48v.7, 151.1, 152.5.

В звательном п.: (**рѣци ми**) **дѣщи**: 156v.16–17.

В двух случаях встречается и существительное **дѣщершн**, произведенное из **дѣщи**: В именительном п. ед. ч.: **дѣщершн (моща)**: 90.5. В дательном п. ед. ч.: (**дасть же н мѡи**) **дѣщершн**: 90v.2. По формальным признакам, имея в виду эти два примера, это существительное могло бы склоняться и по основе на *-r-*, и по основе на *-i i-*. В итогах и заключениях этих двух примеров не примем во внимание.

Формы существительного **матн** (вообще **мѣти**) встречаются в следующих случаях:

В винительном п. ед. ч.: **мѣрь**: 49.16.

В родительном п. ед. ч.: **матере / мѣре**: 25v.7 (*иной почерк IV*), 108v.1.

В творительном п. ед. ч.: **мѣрь**: 31v.5.

6. Итоги и заключения

Подведение итогов настоящей работы мы начинаем со следующего определения: при существительных с консонантическими основами двойственное число употребляется правильно, замена двойственного числа множественным ни в одном случае не засвидетельствована.

После этого, при помощи следующих четырех таблиц мы подытоживаем данные, полученные в ходе анализа имен существительных с консонантическими основами. Данные сгруппированы по падежам и по двум или трем типам declination (основы на согласный, основа на *-i i-* и основа на *-o -*). В столбцы под названием “общие флексии” входят окончания, которые являются общими для консонантических основ и основы на *-i i-*. Где было нужно, там один столбец забронирован для окончаний, являющихся общими для консонантических основ и основы на *-o -*. В последних столбцах указаны пропорции окончаний, принадлежащих лишь к консонантическим основам, по сопоставлению с окончаниями, принадлежащими однозначно к другим основам. Таким образом, разумеется, что здесь мы не учитывали общих окончаний. В этих столбцах мы учли только примеры основного почерка. Маленькой горизонтальной чертой вычеркнуты кельи, исполнение которых являлось невозможным и принципиально. Кельи, находящиеся в последних столбцах, тоже могут быть вычеркнуты, если вычисление данной пропорции не имело смысла (если напр. на данной строке указаны лишь нулевые величины). Хотя окончания существительных среднего рода с консонантическими основами неоднократно тождественны с окончаниями существительных среднего рода с основой на *-o-* (в именительном, в винительном, в родительном и творительном пп. мн. ч., а также в родительном-местном п. дв. ч. и частью в именительном-винительном п. дв. ч.), в том случае, если существительные сохранили оригинальные темы (*-es-* или *-at-*), то окончания мы указали в столбцах исконных флексий. Где было возможно, там обозначали, что сколько из указанных окончаний может являться старославянским (напр. в случае

вокализации). В скобках сообщается, сколько из указанных примеров находится в иных почерках.

Основа на -п-	Исконные флексии		Общие флексии		Флексии основы на -й-		Пропорция искон. флексий	
	мужск. род	средн. род	мужск. род	средний род	мужск. род	средн. род	мужск.р од	средн. род
И. п. ед. ч.	0	много	много	—	—	—	—	—
В. п. ед. ч.	—	много	много	—	—	—	—	—
Р. п. ед. ч.	11 (1)	1	—	—	0	0	100%	100%
Д. п. ед. ч.	—	—	4	0	—	—	—	—
Т. п. ед. ч.	—	—	5	49 (2), 38 ст.- славян.	—	—	—	—
М. п. ед. ч.	4 (1)	0	—	—	6	2 (1)	33,33%	0%
И. п. мн. ч.	0	0	—	—	1	—	0%	—
В. п. мн. ч.	—	1	28 (3)	—	—	—	—	—
Р. п. мн. ч.	5	0	—	—	24 (2)	0	18,52%	—
Д. п. мн. ч.	—	—	2	1 ст.- славян.	—	—	—	—
Т. п. мн. ч.	—	—	2	0	—	—	—	—
М. п. мн. ч.	—	0	11	—	—	—	—	—
И-В. п. дв. ч.	—	0	3	0	—	—	—	—
Р-М. п. дв. ч.	2	0	—	—	10 (2)	0	20%	—
Д-Т. п. дв. ч.	—	—	0	0	—	—	—	—

К существительным мужского рода с основой на -п- можно добавить, что существительные **камѣ** и **лѣчѣмѣ** не наблюдались в именительном п. ед. ч. У существительных среднего рода заслуживает внимания, что в именительном-винительном п. дв. ч. засвидетельствовано лишь окончание -и. Старославянские грамматики для этого падежа вообще дают флексию -ѣ¹², хотя в качестве варианта часто указывают и флексию -и¹³. Однако, для древнерусской парадигмы в первую очередь установлено окончание -и, а флексия -ѣ дается лишь редко¹⁴.

¹² Leskien A.: *Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache*. Фототипно издание, София 1981, р. 120.

Селищев А. М.: *Op. cit.* с. 103.

¹³ Дуриданов Иван (главен редактор): *Граматика на старобългарския език. Фонетика, морфология, синтаксис*. София 1993, с. 163.

Вайан А.: *Op. cit.* с. 131.

Aitzetmüller Rudolf: *Altbulgarische Grammatik*. Monumenta Linguae Slaviae t. XII. Freiburg i. Br. 1978, р. 97.

¹⁴ Черных П. Я.: *Историческая грамматика русского языка*. Москва 1954, с. 154.

Шахматов А. А.: *Историческая морфология русского языка*. Москва 1957. Fotomechanischer Neudruck der Originalausgabe 1957 nach dem Exemplar der Universitätsbibliothek Leipzig. Leipzig 1976, с. 104.

Иванов. В. В.: *Op. cit.* с. 248.

Домбровский Й.: *Историческая грамматика русского языка II. Морфология и синтаксис*. Budapest 1977, с. 35.

Н. Tóth Imre: *Bevezetés a russzisztikába*. Budapest 1988, 108. о.

Янович Б. И.: *Историческая грамматика русского языка*. Минск 1986, с. 141.

Основа на -s-	Искон- ные флексии	Общие флексии	Флексии основы на -ĭ-	Флексии основы на -ǫ-	Общие флек- сии с основой на -ǫ-	Пропорция исконных флексий
И. п. ед. ч.	—	—	—	—	МНОГО	—
В. п. ед. ч.	—	—	—	—	МНОГО	—
Р. п. ед. ч.	9	—	1	4	—	75%
Д. п. ед. ч.	—	4	—	3	—	—
Т. п. ед. ч.	—	0	—	4, 3 ст.- славянск.	—	—
М. п. ед. ч.	0	—	13 (3)	1	—	0%
И. п. мн. ч.	2	—	—	0	—	100%
В. п. мн. ч.	16 (2)	—	—	0	—	100%
Р. п. мн. ч.	3	—	0	0	—	100%
Д. п. мн. ч.	—	4 ст.- славян.	—	1	—	—
Т. п. мн. ч.	7	—	0	1	—	87,5%
М. п. мн. ч.	—	1	—	0	—	—
И-В. п. дв. ч.	0	2	—	—	—	—
Р-М. п. дв. ч.	0	—	0	0	—	—
Д-Т. п. дв. ч.	—	0	—	0	—	—

У существительных с основой на -s- следует отметить, что в изучаемом памятнике переносы окончаний из основы на -ǫ- никогда не сопровождались сохранением оригинальной темы. В древнерусских памятниках засвидетельствованы переносы окончаний такого рода, как напр. в случае словоформы *колесоу*¹⁵, даже в современном русском языке имеется и форма “колесо”, отражающая расширение основы бывшей темой -es- в именительном и винительном пп. ед. ч.

¹⁵ Кузнецов П. С.: *Историческая грамматика русского языка. Морфология*. Москва 1953, с. 83.

Основа на -t-	Исконные флексии	Общие флексии	Флексии основы на -ŷ-	Пропорция искон- ных флексий
И. п. ед. ч.	1	—	—	—
В. п. ед. ч.	0	—	—	—
Р. п. ед. ч.	0	—	0	—
Д. п. ед. ч.	—	3	—	—
Т. п. ед. ч.	—	0	—	—
М. п. ед. ч.	0	—	0	—
И. п. мн. ч.	0	—	—	—
В. п. мн. ч.	1	—	—	—
Р. п. мн. ч.	0	—	0	—
Д. п. мн. ч.	—	0	—	—
Т. п. мн. ч.	0	—	0	—
М. п. мн. ч.	—	0	—	—
И-В. п. дв. ч.	0	0	—	—
Р-М. п. дв. ч.	0	—	0	—
Д-Т. п. дв. ч.	—	0	—	—

Основа на -r-	Исконные флексии	Общие флексии	Флексии основы на -ŷ-	Пропорция искон- ных флексий
И. и Зв. пп. ед. ч.	2	0	—	100%
В. п. ед. ч.	—	4	—	—
Р. п. ед. ч.	2 (1)	—	0	100%
Д. п. ед. ч.	—	0	—	—
Т. п. ед. ч.	—	1	—	—
М. п. ед. ч.	0	—	0	—
И. п. мн. ч.	0	—	0	—
В. п. мн. ч.	—	0	—	—
Р. п. мн. ч.	0	—	0	—
Д. п. мн. ч.	—	0	—	—
Т. п. мн. ч.	—	0	—	—
М. п. мн. ч.	—	0	—	—
И-В. п. дв. ч.	—	0	—	—
Р-М. п. дв. ч.	0	—	0	—
Д-Т. п. дв. ч.	—	0	—	—

У двух существительных с основой на -r- в именительном и звательном пп. ед. ч. не наблюдается окончание винительного п. ед. ч., что обозначено цифрой "0" в столбце общих флексий. Что касается именительного п. мн. ч., следует отметить, что тут можно было бы говорить хоть об общем окончании, так как в старославянских грамматиках вообще для этого падежа дается окончание -и¹⁶, но в грамматике Рудолфа Айцетмюллера в парадигме указана

¹⁶ Николић Светозар: *Старословенски језик. I*. Београд 1995, с. 125.

Leskien A.: *Op. cit.* p. 121.

Дуриданов Иван (главен редактор): *Op. cit.* с. 163.

Селищев А. М.: *Op. cit.* с. 104.

лишь флексия $-\epsilon$ ¹⁷. Одни древнерусские грамматики приводят окончание $-\text{н}$ ¹⁸, но другие дают флексию $-\epsilon$ ¹⁹.

Можно еще отметить, что в винительном п. ед. ч. не найдено окончание родительного п. ед. ч. Родительный п. в функции винительного п. ед. ч. засвидетельствован старославянскими памятниками²⁰. Это явление можно рассмотреть, как нечто подобное к категории одушевленности-неодушевленности, хотя его возникновение не может быть вызвано синтаксическим вынуждением в силу того, что окончание винительного п. ед. ч. вначале не совпадало с окончанием именительного п. ед. ч. По мнению А. Вайана и А. М. Селищева данное явление возникло под влиянием аналогии с существительными мужского рода с основой на $-\ddot{o}/i\ddot{o}-$, обозначающими живые существа, особенно лиц, напр.: **любѣи сѣна ли дѣщере** (Саввина книга (XI в.), **любѣи оца и матерѣ** (Супрасльская рукопись (XI в.), Матфей X.37), **матерѣ** (Синайская псалтырь (XI в.), СХП.9)²¹. В среднеболгарском языке это явление получило дальнейшее развитие²².

Если сравнить четыре таблицы, можно установить, что существительные с основой на $-\ddot{i}$ – самое большое влияние оказали на имена существительные с основами на согласный в местном п. ед. ч.: из 25 (5 в иных почерках) примеров, стоящих в местном п. ед. ч., 21 (4 в иных почерках) показывает перенос окончания из основы на $-\ddot{i}$ –. Другие древнерусские памятники тоже обнаруживают сильное влияние основы на $-\ddot{i}$ – в местном п. ед. ч., как напр. Архангельское евангелие 1092 г.²³ и Служебная минея 1095 г.²⁴. Из окончаний, которые можно сопоставить (где имела возможность переноса окончаний), исконная флексия родительного п. ед. ч. ($-\epsilon$) отражает наилучшую сохранность: из 26 (2 в иных почерках) примеров лишь 1 отражает перенос окончания из основы на $-\ddot{i}$ –, а также 2 отражает перенос окончания из основы на $-\ddot{o}$ –. Можно предположить, что в отличной сохранности исконной флексии $-\epsilon$ играло известную роль и стремление избежать совпадения родительного п. ед. ч. с дательным п. ед. ч. в притяжательных конструкциях. В других, возникших на Руси, памятниках тоже наблюдается хорошая сохранность исконной флексии родительного п. ед. ч., как напр.: в Архангельском евангелии 1092 г.²⁵ и в Служебной минее 1095 г.²⁶.

¹⁷ Aitzetmüller Rudolf: *Op. cit.* p. 100.

¹⁸ Иванов. В. В.: *Op. cit.* с. 248.

Черных П. Я.: *Op. cit.* с. 154.

Янович Б. И.: *Op. cit.* с. 141.

¹⁹ Шахматов А. А.: *Op. cit.* с. 111.

Домбровский Й.: *Op. cit.* с. 35.

Н. Tóth Imre: *Bevezetés a russzisztikába.* 108. о.

²⁰ Вайан А.: *Op. cit.* с. 137.

²¹ Вайан А.: *Op. cit.* с. 137.

Селищев А. М.: *Op. cit.* с. 108.

²² Вайан А.: *Op. cit.* с. 137.

²³ Соколова М. А.: *К истории русского языка в XI веке. (Рукопись московской Библиотеки им. Ленина, № 1666).* In: Известия по русскому языку и словесности. т. III. Ленинград 1930, с. 124.

²⁴ Карнеева М. И.: *Язык Служебной Миней 1095 г.* In: Русский филологический вестник 1917-1918, т. 78, № 3-4, с. 41.

²⁵ Соколова М. А.: *К истории русского языка в XI веке.* с. 124.

²⁶ Карнеева М. И.: *Op. cit.* с. 41.

Существительные с основами на *-t-* и *-r-* не отражают никакого морфологического изменения, правда, в изучаемом памятнике их количество незначительно: 13 (1 в ином почерке IV). У существительных с основой на *-s-* засвидетельствовано больше переносов окончаний: 47 (2 в иных почерках) примеров сохранили исконные окончания, 28 (3 в иных почерках) примеров свидетельствуют о переносах окончаний (14 (3 в иных почерках) из основы на *-ĩ-*, а 14 из основы на *-õ-*). Наибольшее количество переносов окончаний встречалось у существительных с основой на *-n-*: 23 (2 в иных почерках) примера сохранили оригинальные окончания, а 43 (5 в иных почерках) примера показывают переносы окончаний из основы на *-ĩ-*. В эту высокую пропорцию (64,41%) флексий по основе на *-ĩ-* – самый значительный вклад внесло существительное **днь**, обладающее переносами окончаний в 37 (4 в иных почерках) примерах из 57 (6 в иных почерках) примеров. Это же существительное может обратить на себя внимание и тем, что оно именно в местном п. ед. ч. имеет больше примеров с исконной флексией, чем с переносом окончания: 4 (1 в ином почерке V) флексии *-є* против 2 окончаниям *-и*. В Синайском патерике кроме существительного **днь** ни одно другое существительное не обладает исконной флексией *-є* в местном п. ед. ч. Склонение этого существительного и в старославянских памятниках смешивается со склонением существительных с основой на *-ĩ-*²⁷.

²⁷ Вайан А.: *Op. cit.* с. 127.